

УДК 94 (470.41) «1920»

Материально-техническое обеспечение детских домов в ТАССР в первой половине 1920-х гг.

Е. О. Попович,

*Казанский федеральный университет,
г. Казань, Республика Татарстан,
Российская Федерация*

Material and technical support of orphanages in the Tatar ASSR in the first half of 1920s.

E. O. Popovich,

*Kazan Federal University,
Kazan, the Republic of Tatarstan,
the Russian Federation*

В конкурсе документальных публикаций «Архивные фонды – науке и краеведению», проведенном ГБУ «Государственный архив Республики Татарстан» в 2022 г., работа автора заняла 2 место во 2-й группе участников – обучающиеся образовательных организаций, реализующих образовательные программы высшего образования.

Аннотация

В статье рассматривается материальное положение детских домов, созданных на территории ТАССР в первой половине 1920-х гг. Анализируются планы большевиков по выработке новых схем воспитания в детских домах и степень их реализации, важным элементом которой было материально-техническое обеспечение. Делается вывод о том, что оно оказалось недостаточным для решения задач, поставленных ими, поэтому правительство было вынуждено свернуть проект коммунистического воспитания, ограничившись де-факто восстановлением системы социального призрения в ее классических формах. Актуальность выбранной темы определяется тем, что детская беспризорность является одной из примет российской повседневности начала XX в. Она была существенным фактором советской идентичности, определявшим конкретно-исторический контекст проекта создания нового человека – основного условия формирования социалистического общества. Влияние маргинальных социокультурных анклавов на формирование структуры советского общества вызывает устойчивый интерес российских исследователей: обращает на себя внимание монография А. А. Славко, в которой освещены причины детской беспризорности, а также эволюция подхода советского правительства к ее искоренению. Несомненный интерес вызывают исследования И. И. Ханиповой, объектом которых выступает реализация советского проекта социального патронажа детей в Республике Татарстан. Однако решение задачи исторической реконструкции советской системы государственного призрения в Республике Татарстан предполагает раскрытие регионального кейса за счет расширения территориальных и хронологических рамок, систематическое сравнение региональных практик с общеполитическим замыслом.

Abstract

The paper deals with the financial condition of orphanages in the territory of the Tatar ASSR during the first half of 1920s. The author analyzes the plans of the Bolsheviks for creating new orphan-fostering scheme in orphanages and the degree of their implementation having an important element being material and technical support. It is concluded that it was insufficient for solving the problems, therefore the administration had to shut down the project of communist upbringing and in fact only reestablished the system of social care in

its classic forms. The relevance of the topic lies in the fact that child homelessness is one of the distinguishing features of life in Russia in the early 20th century. It was an essential factor of the Soviet identity, which defined the concrete-historical context of the project of a new person's creation as the basic premise for the formation of the socialist society. The influence of the marginal social and cultural enclaves on the formation of the structure of Soviet society arouses the sustainable interest of Russian researchers. Thus, the monograph by A. A. Slavko devoted to the reasons for child homelessness and the evolution of the Soviet government's attitude towards its eradication, is of certain interest. The research of I. I. Khanipova dealing with implementing the Soviet project on the social patronage of children in the Republic of Tatarstan is also of prime interest. But solving the issue of the historical reconstruction of the Soviet system of public assistance in the Republic of Tatarstan implies highlighting the regional case based on territorial and chronological framework and a consistent comparison of regional practices with general-political conception.

Ключевые слова

ТАССР, новый человек, беспризорность, детские дома, молодежная политика, хозяйственные проекты.

Keywords

Tatar ASSR, new person, homelessness, orphanages, youth policy, economic projects.

Благодарность

Автор выражает искреннюю признательность своему научному руководителю доктору исторических наук, профессору Александру Алтеровичу Литвину за чуткое наставничество и ценные рекомендации при проведении исследования.

Acknowledgements

The author expresses her sincere appreciation to her academic adviser, Doctor of Historical Sciences, Professor Alexander Alterovich Litvin for his considerate mentoring and valuable insights during the research.

Существовавшая к началу Первой мировой войны в Российской империи система общественного призрения была представлена государственными, общественными и частными учреждениями, призванными в той или иной степени компенсировать потерю отчего крова и способствовать социализации детей, оставшихся без родительского попечения. В Казани первые детские приюты появляются во второй половине XIX в.: в эпоху модернизации и урбанизации все более актуальной проблемой для части горожан становится невозможность содержания своих детей. Попыткой облегчить положение детей стало открытие детских приютов, воспринятое Казанью после успешного опыта создания подобных детских учреждений в Москве и Санкт-Петербурге. В 1844 г. был открыт Николаевский детский приют, но он не мог полностью удовлетворить потребности города, и впоследствии были созданы Александринский приют и мусульманский приют братьев Юнусовых. В христианских приютах воспитывалось немногим меньше сотни детей, часть которых была приходящая, часть – постоянно получающая кров. Так, в Александринском приюте с момента его создания до начала XX в. ежегодно постоянно проживало около 35 воспитанников, приходящими же были 59 человек. В основном кров и воспитание получали дочери мещан и церковных деятелей, дети служащих нижних воинских чинов, крестьян, лиц духовного звания. В мусульманском приюте воспитывалось около 30 детей, преимущественно из татарских семей.

Крушение имперского аппарата не привело к кризису системы социального призрения по причине ее отсутствия: ввиду малочисленности детских приютов и их воспитанников и того, что не было выработано единых схем работы с детьми в них. Не было обеспечено и стабильное материально-техническое снабжение: существование приютов поддерживалось отчислениями богатых благодетелей

и жертвованиями равнодушных граждан Казани. Вместе с тем, нельзя не отметить сохранение в массовой культуре патронажных традиций, что ставило сохранение различных институциональных форм и воспитательных практик в исключительную зависимость от гражданских инициатив и исторических обстоятельств. Например, в сельской местности патронаж по-прежнему оставался прерогативой крестьянской общины. Не оставалась в стороне и культурная общественность – в 1918 г. В. Г. Короленко была создана Лига спасения детей, которую возглавляли общественно-политические деятели, ученые и правозащитники.

Но советское правительство не могло удовлетвориться детскими домами, созданными благодаря общественной инициативе, потому как они не отвечали потребностям строительства нового общества. В процессе формирования самоидентичности жителя России важную роль традиционно играли семья, церковь, неформальные общественные институты, и чтобы приступить к решению задачи воспитания «нового человека», необходимо было сначала разрушить имеющиеся социальные отношения, которые блокировали этот процесс. Первыми площадками для реализации этого амбициозного проекта стали детские дома и детские колонии, а с начала 20-х гг. началась активная разработка теоретических основ работы с беспризорными детьми в детских домах.

В начале 1920-х гг. начинается активное оргстроительство – создаются не менее трех десятков детских домов на территориях, которые позже вошли в состав Татарской АССР. Точное количество детских домов назвать сложно, исследователи акцентируют внимание на том, что в 20-е гг. «не было данных даже о численности в стране детских домов, школ и прочих детских учреждений, а также о численности их воспитанников».

Для формирования сколько-нибудь внятного представления об их количестве необходимо привлекать архивные источники, которые сосредоточены в основном в фонде Р-3682 «Министерство образования и науки Республики Татарстан» Государственного архива Республики Татарстан, а также сформированных фондов отдельных детских домов или детских коммун, из которых самый крупный – Р-900, содержит документацию Детского дома № 10 Опытного-показательной школы при Казанском кряшенском педагогическом техникуме.

Необходимо отметить, что наибольшее количество детских домов функционировало на территории ТАССР в 1920-1924 гг., после 1924 г. большая их часть закрывается ввиду перевода содержания детских домов на местное финансирование.

Местом размещения детских домов мог стать как центр города, так и сельская местность: под них отводили помещичьи дома, монастыри. Если детский дом находился в сельской местности, то по причине недостатка лошадей, верхней одежды и обуви, беспризорники были в определенном смысле изолированы на территории детского дома.

Штат детских домов выглядел подобным образом: сотрудники были молоды, часто только закончили педагогические или воспитательские курсы, не имели богатого опыта работы с трудными детьми. В детском доме № 10 заведующему домом было 28 лет, преподавателям – 20, 25 и 27 лет, завхозу – 20 лет, кухарке – 28 лет, сторожу – 25 лет, уборщицам – 18, 25, 34 года, врачу, приходящему в детский дом – 35 лет. Молодость сотрудников детских домов можно связать как с тем, что для воспитания «нового человека» нельзя было привлекать людей «старой закалки», – Крупская отмечала, что многие люди старого поколения не разделяют в должной мере новые подходы к воспитанию детей, – так и с тем, что штат находился в тяжелом материальном положении: сохранились обращения служащих детского дома № 10 с просьбой оказать им материальную помощь – выдать по паре обуви

и продуктов к празднику Пасхи. В связи с бедственным материальным положением, часто отмечается расхищение имущества детских домов заведующими и штатом, оставление детей без присмотра, недостаточная мотивация для работы с детьми, а также – ненадлежащее поведение воспитателей и других работников.

В начале 1920-х гг. материальное обеспечение детских домов координировалось из центра. Хотя нормы распределения питания и одежды были в основном недостаточны для поддержания нормальной жизнедеятельности детей и направлены были в основном на спасение их от голодной смерти, но выделяемые средства позволили реализовать масштабное строительство детских домов. После перевода детдомов в 1923 г. на местное финансирование, их количество значительно сократилось. Однако это мало повлияло на качество материально-технического обеспечения существующих: воспитатели и управляющие детских домов регулярно отправляют в инстанции прошения об улучшении бытовых условий – отмечается необходимость провести водопровод и канализацию, поставить умывальники, указывается на отсутствие вентиляции помещений, мест для стирки белья, нечищенные отхожие места, также отмечались проблемы с дровами, необходимыми для отопления помещений. Сотрудниками как детских домов, так и инспекций по проверке жилищных условий беспризорников, заключается, что эти условия благоприятствуют развитию эпидемий, ухудшают здоровье детей и мешают наладить образовательный процесс.

Для помощи беспризорникам властями и равнодушными гражданами устраиваются агитационные мероприятия, лотереи. Заводами, церквями делаются отчисления, некоторые фабрики шьют для детей одежду. Но это едва ли помогает улучшить бедственное положение беспризорников: в газете Красная Татария регулярно публикуются материалы о том, что дети бегут из детских домов, на улицах появляется оборванная детвора, а заведующими детскими домами регулярно посылаются в Татнаркомпрос многочисленные, часто остающиеся без ответа при первом запросе, прошения о выдаче обуви, нижнего белья, теплой одежды.

Осложняется ситуация и тем, что не получается воспитать в детях товарищеский дух: при наличии небольшого количества одежды, они не склонны делиться вещами со своими соседями по детдому, часто их прячут, и даже собрать воспитанников в баню, по словам воспитателей, – всегда скандал. При этом, вещи наличествуют, когда дети идут на спектакль – что говорит о слабой педагогической и воспитательной работе в детских домах. Когда дело доходит до починки вещей, наблюдается недостаток расходных материалов – в детском доме № 10 при каждой починке вещей происходят споры между девочками и завхозом, который уже единожды выдал 50 иголок для починки вещей, но дети их уже растеряли или реализовали каким-нибудь образом и теперь на руках их имеют только 10.

Обеспечение трудового воспитания детей, которое мыслилось одним из главных условий превращения беспризорника в члена нового общества, выражалось в том, что дети работали на предприятиях или мастерских при детских домах. Масштабная подростковая безработица осложнялась и тем, что ввиду недостатка средств при детских домах не получалось организовать даже одну мастерскую, хотя дети проявляли склонность к какому-нибудь ремеслу.

Школьное образование дети получали в стенах детдомов, местных школах. Дети детдома № 10 имели возможность также посещать техникум. При проведении уроков в детских домах сложности состояли в невозможности организовать нормальные условия для обучения: отсутствие освещения по вечерам, недостаток учителей и воспитателей, учебников, маленькие и неукомплектованные стульями и партами помещения для уроков. Вписанные в план обязательного посещения в течение года экскурсии на природу и в культурные места города также могли

остаться проведенными лишь на бумаге. Для посещения местных школ или техникумов детям часто не хватало учебников и одежды.

Количество детей в детских домах менялось, в том числе в зависимости от указов касательно нахождения в них детей с хотя бы одним взрослым родителем, а также в зависимости от их возраста. Хотя в газетах часто и появлялась информация о том, что условия в детских домах не соответствуют комфортному проживанию и воспитанию, тем не менее, для детей наличие их имени в списках на исключение из детского дома было крайне неприятной новостью. На место исключенных детей тут же поступали новые, а в голодные годы приписка к детскому дому в том числе могла обеспечить паек тем детям, которые имели родителей.

На реализацию проекта в ТАССР серьезно повлиял голод в Поволжье. В 1921-1922 гг. централизованно из ТАССР было эвакуировано более 13 тысяч детей. Реевакуация, начавшаяся осенью 1922, к маю 1924 г., грозила обернуться крахом структуры социальной помощи: власти Татарии ходатайствуют о прекращении реевакуации беспризорных детей, по причине отсутствия возможности их размещения.

В мае 1924 г. дается информация о том, что «по статистическим данным в Татарской Республике в настоящее время более 11 тысяч детей в Казани валяются на пристанях и вокзале,.. стонут на тротуарах и мостовых». В это время формы борьбы с беспризорностью явно недостаточны: отмечается, что «борьба с детской беспризорностью заключается в следующем: в устройстве беспризорных детей, подобранных с улицы, пришедших из кантонов ТССР, а также прибывших само-теком или организованным порядком из других губерний».

Для сортировки детей, прибывших самостоятельно в ТАССР или организованным порядком (в день указывается численность 20-25 детей), по данным в 1924 г. в Казани существовал единственный пункт – Эвакоприемник. Здесь дети должны были подвергаться санитарной обработке, выдерживать карантин, осматриваться врачами и распределяться в обычные детские дома или дома дефективного типа. Однако после 1923 г. Эвакоприемник уже не функционирует таким образом, потому как распределять детей в детдома не представляется возможным: те, которые не были закрыты, уже переполнены. Он становится учреждением стационарного типа, в котором дети получают только кров и еду, т.к. изначально он не был оборудован для проведения учебных занятий, и не могут быть перераспределены в детские дома. Из этого отчета не вполне ясно, функционировали ли в Казани распределители, созданные в начале 20-х гг., но ввиду закрытия детских домов, потребность в распределении детей для размещения в них естественно сократилась.

В 1924 г. ввиду сложностей в деле открытия новых детдомов и по причине отсутствия мест в имеющихся, основными задачами для руководства ТАССР становится предупреждение беспризорности: обследование инспекторами социальной помощи материального и социального положения детей, выдача детям беднейшего населения детских продовольственных пайков на дом. Можно заключить, что идея в ближайшем будущем заменить семейное воспитание воспитанием общественным, при котором даже имеющие родителей дети будут воспитываться в детских домах, уже в середине 20-х гг. разбивается о реалии жизни, в которых у властей нет возможности обеспечить воспитанием, пищей и вещами уже имеющихся беспризорных детей.

Продолжается выработка методологических основ работы с беспризорниками, однако успехов не наблюдается как в ТАССР, так и на территории всей страны: на страницах Красной Татарии ведутся рассуждения о моральной дефективности, а в материалах по борьбе с беспризорностью на 1924-1925 г. отмечается, что «наме-чаемая работа по борьбе с детской беспризорностью еще до сих пор недостаточно изучена». Особенно подчеркивается, что «меры, практикуемые до сих пор, должны

быть изменены и направлены главным образом на методологическую разработку по борьбе с детской беспризорностью и в соответствии с этим на изыскание практических мероприятий в этой области».

В качестве мероприятий, которые должны улучшить положение беспризорных детей в ТАССР, предлагается скорейшая социализация ребенка как члена трудового коллектива: «для детей младшего возраста – организация домов ребенка и детдомов с трудовым уклоном, для старшего – работа по организации трудартели, сельскохозяйственных артелей, организация огородных коммун беспризорных детей...», которая не может быть реализована ввиду подростковой безработицы и недостаточного финансирования.

К началу 1925 г. в Татарии сеть детских домов была перегружена до такой степени, что не могла охватить и половины беспризорников. В отчете Наркомпроса ТАССР отмечена необходимость открытия детского приемника, распределителя, приемника для морально-дефективных детей, домов для трудновоспитуемых детей и домов для умственно-дефективных детей.

Предложенные меры свидетельствовали скорее не о перспективах преодоления беспризорности, а о беспомощности системы государственного воспитания в деле социализации, воспитания, образования и даже прокормления беспризорников, потому как по данным того же отчета по борьбе с беспризорностью за 1924-1925 гг. на территории ТАССР в это время находилось не менее 100 тысяч беспризорных детей. На момент перевода детских домов на содержание из средств местных бюджетов, создавшаяся в ТАССР система призрения была не готова к выполнению большевистского проекта по воспитанию «нового человека».

Теоретические искания советских педагогов и практическая реализация проектов большевистского правительства в форме создания разветвленной системы детских домов и детских исправительных колоний, призванные обеспечить проекту создания «нового человека» из массы беспризорных детей, являющейся настоящей «чумой» 20-х гг., успешную реализацию, в конечном итоге оказались обречены на провал. Потенциал исканий основывался на энтузиазме педагогов и самих воспитуемых, и в конечном итоге не мог быть реализован автономно в условиях острого дефицита всех видов ресурсов.

В начале 1920-х гг. детские дома оказываются убежищами для детей в том смысле, что обеспечивали их кровом и едой, в какой-то мере: одеждой, в редких случаях – способами кустарного заработка. Степень социализации детей, покидающих детский дом, таким образом, была случайна и едва ли могла быть подходящей для самостоятельной жизни за стенами детского дома, особенно в условиях высокой подростковой безработицы. Утопичность идеи в совокупности с крайне неблагоприятными историческими условиями обернулась социальной катастрофой, в результате которой структуры социалистического общества оказались заполнены асоциальными представителями маргинальных субкультур.

В результате, к началу 1928 г. происходит полный отказ от идеи перехода к всеобъемлющему государственному воспитанию детей. В статьях этого периода говорится о том, что от идеи воспитания детей в государственных учреждениях приходится отказаться ввиду отсутствия средств и педагогических возможностей.

Хотя в конце 20-х гг. в прессе и научном сообществе еще предпринимаются попытки обсуждения вопроса возможности просистемного воспитания беспризорников, к началу 30-х гг. они уже почти полностью сходят на нет, что позволяет сделать вывод о дезактуализации этого тренда, хотя проблема беспризорности, даже с учетом естественного сокращения количества беспризорников, сохраняла свою актуальность. В конкретно-исторической ситуации перспективы проекта

коммунистического воспитания оказались весьма сомнительными, и правительство было вынуждено свернуть его, ограничившись де-факто восстановлением системы социального призрания в ее, так сказать, классических формах.

Процессы, проходившие в поволжской провинции, в общем, укладываются в рамки общенационального тренда, сохраняя определенный региональный колорит.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ГА РТ, ф. 418, оп. 1, д. 1, л. 4.
2. Там же.
3. Там же, д. 544, л. 19.
4. Там же.
5. Там же, л. 1
6. Там же.
7. Там же, л. 24.
8. *Смирнова Т. М.* Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. – М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – С. 56.
9. *Горохов В. М.* Кураловский детский дом: В связи с 25-летием Куралов. дет. дома: 1920-1945 / В. М. Горохов, К. Г. Суворова. – Казань: Татгосиздат, 1946. – 86 с.
10. Красная Татария. – 1924. – № 14.
11. ГА РТ, ф. Р-900, оп. 1, д. 34, л. 3
12. *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения в десяти томах. Том третий. Обучение и воспитание в школе. Издательство академии педагогических наук. – М., 1959. – С. 265.
13. ГА РТ, ф. Р-900, оп. 1, д. 34, л. 2.
14. *Славко А. А.* Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – 172 с.
15. ГА РТ, ф. Р-900, оп. 1, д. 45.
16. Там же, д. 109, л. 2 об, 3, 8 об.
17. Там же.
18. *Смирнова Т. М.* Указ. соч. – С. 66.
19. ГА РТ, ф. Р-900, оп. 1, д. 35.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же, ф. Р-1132, оп. 1, д. 6, л. 85.
23. Там же, ф. Р-900, оп. 1, д. 54, л. 18.
24. Там же, ф. Р-1132, оп. 1, д. 6, л. 85.
25. Красная Татария. – 1924. – № 10. Электронный ресурс. Режим доступа: http://rt-online.ru/wp-content/uploads/2016/01/10_16.05.1924.pdf; ГА РТ, ф. Р-5104, оп. 1, д. 3, л. 1.
26. ГА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 732, л. 24.
27. Там же, ф. Р-900, оп. 1, д. 54, л. 6, 10, 11, 13, 18, 21, 25, 30, 32.
28. Там же, д. 109, л. 1.
29. Там же.
30. Там же, л. 10 об.
31. Там же, ф. Р-3682, оп. 1, д. 732, л. 3.
32. Там же, ф. Р-900, оп. 1, д. 109, л. 7.
33. Там же, л. 2.
34. Там же, д. 99, л. 36.
35. Там же, л. 16.
36. Там же, д. 45.
37. Там же, д. 35.
38. Там же, д. 45.
39. Там же, д. 54, л. 6.
40. Там же, д. 109, л. 27.
41. ГА РТ, ф. Р-1132, оп. 1, д. 6, л. 90.

42. Хайруллина А., Валиахметов А. «Принять детей не можем, детдома перегружены» (эвакуация детей из ТАССР в 1921 г.) // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2012. – №1/2. – С. 2.
43. Там же. – С. 3.
44. ГА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 732, л. 24.
45. Там же, л. 3.
46. Там же.
47. Там же.
48. Там же, л. 3.
49. Красная Татария. – 1929. – № 20.
50. ГА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 732, л. 3.
51. Там же.
52. Там же.
53. Красная Татария. – 1929. – № 4.
54. ГА РТ, ф. Р-3682, оп. 1, д. 732, л. 4.
55. Там же, л. 3.
56. Там же, л. 64.
57. Там же, д. 109, л. 16.

Список литературы

- Горохов В. М. Кураловский детский дом: В связи с 25-летием Куралов. дет. дома: 1920-1945 / В. М. Горохов, К. Г. Суворова. – Казань: Татгосиздат, 1946. – 86 с.
- Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. – Москва: ИНИОН РАН, 2005. – 172 с.
- Смирнова Т. М. Дети страны Советов: От государственной политики к реалиям повседневной жизни. 1917-1940 гг. – М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. – 384 с.

References

- Gorokhov V. M. *Kuralovskiy detskii dom: V svyazi s 25-letiem Kuralov. det. doma: 1920-1945*. V. M. Gorokhov, K. G. Suvorova [Kuralovsky orphanage: 25th anniversary of Kuralovsky orphanage]. Kazan: Tatgosizdat publ., 1946, 86 p.
- Slavko A. A. *Detskaya besprizornost v Rossii v pervoe desyatiletie sovetsoy vlasti* [Child homelessness in Russia during the first decade of Soviet regime]. Moscow: INION RAN publ., 2005, 172 p.
- Smirnova T. M. *Deti strany Sovetov: Ot gosudarstvennoy politiki k realiyam povsednevnoy zhizni. 1917-1940 gg.* [Children of the Country of Soviets: From state policy to daily life realities]. Moscow; St. Petersburg: Institut rossiyskoy istorii RAN; Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2015, 384 p.

Сведения об авторе

Попович Елизавета Олеговна, студентка 4 курса Института международных отношений Казанского федерального университета, e-mail: elizabasmnova@yandex.ru

About the author

Yelizaveta O. Popovich, fourth-year student at Institute of International Relations, Kazan Federal University, e-mail: elizabasmnova@yandex.ru

В редакцию статья поступила 21.03.2022, опубликована:

Попович Е. О. Материально-техническое обеспечение детских домов в ТАССР в первой половине 1920-х гг. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2023. – № 1. – С. 6-13.

Submitted on 21.03.2022, published:

Popovich E. O. *Materialno-tehnicheskoe obespechenie detskih domov v TASSR v pervoy polovine 1920-h gg.* [Material and technical support of orphanages in the Tatar ASSR in the first half of 1920s.]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2023, no. 1, pp. 6-13.